

Омон
Мишель

Актёр

1985

ИНТЕРВЬЮ

ОТПРАВЛЯЯСЬ к ведущему актёру парижского театра «Комеди Франсэз» Мишелю Омону, мы готовились к встрече с человеком, чем-то выдающим свою принадлежность к духу мольеровской эпохи, сохранить который ставит целью старейший французский театр. Сказалась на нашем восприятии и недавняя встреча со знаменитым актёром на телеэкране в многосерийном фильме «Моцарт», где он убедительно сыграл роль архиепископа Зальцбургского.

Хозяин номера гостиницы «Россия», где разместились гости, оказался человеком любезным, обходительным, иногда ироничным, иногда простодушным, но во всяком случае, совершенно лишённым чопорности.

— «Мизантроп» — одна из наиболее популярных пьес нашего репертуара, — рассказал нам Мишель Омон. — Она ставилась свыше двух тысяч раз. В день премьеры Альцеста играл великий Мольер! Вот какая роль досталась мне в прошлом году, когда режиссер Жан-Пьер Венсан, нынешний директор труппы, в двадцать первый раз возобновил «Мизантропа» на нашей сцене. С тех пор спектакль идет с аншлагом. Думаю, что в этом

заслуга не только актёров, но и главным образом Мольера, сумевшего в XVII веке создать пьесу о пороках власть имущих, не потерявшую актуальности до сих пор. Отдельные спектакли мы играем как некие памятники театрального искусства. Это не стареет.

состоять в одной труппе и каждый день, находясь в Париже, прохожу свой путь по улице Ришелье мимо дома № 40, где умер великий драматург, мимо его бронзовой статуи, к старинному зданию театра, расположенному на небольшой площади близ Лувра.

стойный путь обновления — расширение репертуара. На афишах появились имена Брехта, Стриндберга, Элиота, Беккета, Ионеско. Не все спектакли были равноценны, но постановка пьесы Анри Бека «Вороны», осуществлённая Жан-Пьером Венсаном, встретила прекрас-

ный прием, возможно, благодаря острой теме тлеющего влияния денег. Вернулся к сотрудничеству с театром и знаменитый Жан-Луи Барро. Несколько экспериментальных постановок доверили молодым режиссерам «новой волны».

участвовать в каких-либо постановках «на стороне». Но иногда я испытываю сильнейшее желание сыграть в каком-то новаторском спектакле, чтобы молодое поколение не строило скептические гримасы по поводу «пыльных париков», а, привлечённое новой и неожиданной формой, обратило бы наконец внимание на «стариков», услышало нас и постаралось понять.

Но и новых направлений, в которых были бы высказаны какие-то позитивные идеи, нет. Конкуренция со стороны телевидения? Да, театр ее испытывает. Но я уверен, что людям всегда понадобится живая контакт. Пусть приверженцев театра останется меньшинство, но они поддержат наше искусство. Есть в природе человека потребность в эмоциональном общении, удовлетворить которую может только театр.

Сдвиги у нас есть, не так давно труппа театра стала намного моложе. При распределении ролей даже не всегда хватает исполнителей старшего поколения. Может быть, скоро новации коснутся и постановок «Комеди Франсэз» — я буду только рад. Но сегодня приходится сожалеть о том, что не все возможности общения со зрителями мы уже используем.

Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы однажды побывать на гастролях в Советском Союзе. Труппа «Комеди Франсэз» в вашей стране уже в пятый раз. Маршрут поездки включает Киев, Москву и Ленинград. И везде нас встречает умная, чуткая, подготовленная публика, живо и искренне реагирующая на наше искусство. Воспоминания о таких встречах не просто приятны, они долгие годы затем поддерживают актёров, вселяют оптимизм в самые трудные минуты.

— Как бы вы определили нынешнее состояние театрального искусства во Франции?

— Как состояние ожидания. Пока в молодой драматургии нет ярких имен. Мы не отчаиваемся, ждем, понимая, что их появление зависит не только от обилия талантов, но и от счастливого случая. Тем временем подражания американскому мюзиклу появились и быстро исчезли. Театр абсурда зашел в тупик. Зрителям надоела избитая идея о том, что мы некоммуникабельны и никогда не сможем установить добрых отношений друг с другом.

Дружеская атмосфера в зале театра — лучший барометр отношений двух стран. На наших спектаклях в Москве царила обстановка полного взаимопонимания, помешать которой не мог даже языковой барьер. С самыми теплыми чувствами к московским зрителям мы продолжаем гастроли по вашей стране.

Ю. ВЛАДИМИРОВ,
А. СПИРИН.

«МИЗАНТРОП» И ДРУГИЕ

— Среди французских театров «Комеди Франсэз» занимает особое положение. Театр — музей — таким он вошел в историю. Какие особые требования он предъявляет к своим актёрам?

— Главное из них — преданность классическому искусству. Тут нужно сделать выбор раз и на всю жизнь. У меня это случилось еще в детстве, когда моя мать — театральная актриса — привела меня на спектакль в постановке Жана Виллара. Тогда я испытал настоящее потрясение и принял решение следовать по актерской стезе. Остальное было уже следствием.

В двадцать лет я окончил Национальную консерваторию драматического искусства. Первый приз, полученный за игру в выпускном спектакле по пьесе Чехова «Трагик поневоле», открыл мне дорогу на сцену «Дома Мольера». Сейчас мне 49. Все это время я имел честь

— И все тридцать лет театру не изменял успех?

— Несколько лет назад мы пережили серьезный кризис. Играть приходилось в полупустых залах. Наша публика — в основном обеспеченные слои общества — неожиданно отвернулась от классики, потеряла интерес к «академическому» французскому языку, всегда составлявшему нашу гордость...

Каких только путей спасения не предлагалось! Всерьез обсуждался, например, такой проект: пригласить на сцену «Комеди Франсэз» киноактёров с громкими именами: Анни Жирардо, Алена Делона, Жан-Поля Бельмондо... К счастью, от этого предложения вскоре отказались. Возможно, успех на какое-то время к нам вернулся бы, но какой ценой! Труппа, сложившаяся годами и сильная своими традициями, наверняка бы распалась.

Был найден более до-

стойный путь обновления — расширение репертуара. На афишах появились имена Брехта, Стриндберга, Элиота, Беккета, Ионеско. Не все спектакли были равноценны, но постановка пьесы Анри Бека «Вороны», осуществлённая Жан-Пьером Венсаном, встретила прекрас-

ный прием, возможно, благодаря острой теме тлеющего влияния денег. Вернулся к сотрудничеству с театром и знаменитый Жан-Луи Барро. Несколько экспериментальных постановок доверили молодым режиссерам «новой волны».

— Что же, по-вашему, приводит зрителей в ваш театр?

— Я склонен ответить на этот вопрос просто: такова мода. Не следует бо-

всему старинному. Мода обращается к модернизму 20-х годов. В изобразительном искусстве открываются гениальные художники, о которых в свое время никто не знал. И даже наземные павильоны метростанций, построенные в тот же период и всегда вызывавшие насмешку знатоков, сегодня считаются едва ли не шедеврами архитектуры... Во всем чувствуется ностальгия по «добрым старым временам» — на самом деле, конечно же, по определенности в жизни, которой в последнее время нам так недостает.

— Вам, актёру, воспитанному на лучших образцах классического репертуара, тяга к старине, наверное, не кажется странной. Но не возникало ли у вас желания стать новатором, выразить себя в остросовременной постановке?

— Вы правы, я часто об этом думал. Актёрам нашей труппы запрещено